

Информация для цитирования:

Изволенская А. С. Инварианты и лакуны при передаче русских междометных фраз (на материале англоязычных переводов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита») / А. С. Изволенская // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 98—114. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-98-114.

Izvolenskaya, A. S. (2025). Invariants and Lacunae in Translation of Russian Interjectional Phrases: A Study of English Translations of M. A. Bulgakov's "The Master and Margarita". *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 98-114. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-98-114. (In Russ.).

Web of Science®

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Инварианты и лакуны при передаче русских междометных фраз (на материале англоязычных переводов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)

Изволенская Анна Сергеевна
orcid.org/0000-0003-4163-8468
WoS ResearcherID: N-5876-2016
кандидат филологических наук,
старший преподаватель
Института лингвистики
и межкультурной коммуникации
izvolenskaya_a_s@staff.sechenov.ru

Первый Московский государственный
медицинский университет
имени И. М. Сеченова Министерства
здравоохранения Российской Федерации
(Сеченовский Университет)
(Москва, Россия)

Invariants and Lacunae in Translation of Russian Interjectional Phrases: A Study of English Translations of M. A. Bulgakov's “The Master and Margarita”

Anna S. Izvolenskaya
orcid.org/0000-0003-4163-8468
WoS ResearcherID: N-5876-2016
PhD in Philology, Senior Lecturer,
Institute of Linguistics
and Intercultural Communication
izvolenskaya_a_s@staff.sechenov.ru

I. M. Sechenov First Moscow State
Medical University of the Ministry
of Healthcare of the Russian Federation
(Sechenovskiy University)
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена особенностям выявления и преодоления лингвокультурных лакун в переводном художественном тексте на стилистическом материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Применяв индуктивным образом метод лингвокогнитивного анализа, мы идентифицировали некоторые имплицитные лакуны. Главные выводы заключаются в следующем: 1) инварианты, выявляемые в процессе анализа переводного художественного текста, служат средством преодоления «мощных» лингвистических и культурологических лакун; 2) анализ некоторых переводческих решений может представлять собой материал для исследования природы лакун и их бытования в художественном тексте в синхроническом и диахроническом аспектах. Сформулирована структура академического переводческого комментария¹, призванного интегрировать художественный нарратив в исторический контекст для преодоления «мощных» лакун. Комментарий рассматривается как неотъемлемая часть перевода и творческого переводческого процесса. В данной работе мы обращаемся к следующим переводам «Мастера и Маргариты»: Майкла Гленни (1967), Мирры Гинзбург (1967), Дианы Л. Берджин и Кэтрин Т. О'Коннор (1993), Ричарда Пивьера и Ларисы Волохонской (1997) и Хью Эплина (2008).

Ключевые слова:

Мастер и Маргарита; эмоциональное междометие; лакуна; академический переводческий комментарий.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the peculiarities of identifying and overcoming linguocultural lacunae in translated literary texts, specifically focusing on the stylistic material of M. A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita." By employing an inductive method of linguistic-cognitive analysis, we identify several implicit lacunae. The main findings are as follows: 1) The invariants revealed during the analysis of the translated literary text serve as a means to bridge significant linguistic and cultural lacunae; 2) Analyzing certain translation choices can provide material for investigating the nature of lacunae and their existence within literary texts from both synchronic and diachronic perspectives. We propose a structure for an academic translation commentary designed to integrate the artistic narrative into its historical context, thereby addressing substantial lacunae. The commentary is viewed as an integral part of the translation and the creative translation process. This study examines the following translations of "The Master and Margarita": by Michael Glenny (1967), Mirra Ginsburg (1967), Diana L. Burgin and Katherine T. O'Connor (1993), Richard Pevear and Larissa Volokhonsky (1997), and Hugh Aplin (2008).

Key words:

Master and Margarita; emotional interjection; lacuna; academic translation commentary.

¹ Междисциплинарный комментарий к переводному художественному тексту был, по сути, предложен Светланой Григорьевной Тер-Минасовой [Тер-Минасова, 1994]. Наш термин, *академический переводческий комментарий*, подчеркивает исследовательский, или «творческий», по выражению Тер-Минасовой, характер.

УДК 81'255.2+821.161.1Булгаков.032

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-98-114

Научная специальность ВАК

5.9.8. Теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Инварианты и лакуны при передаче русских междометных фраз (на материале англоязычных переводов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»)

© Изволенская А. С., 2025

1. Введение = Introduction

Популярность исследований по лакунарной тематике сопровождалась в последние 30 лет интенсивным развитием явления переводной множественности — появлением все большего числа переводных версий одного и того же художественного произведения. Лакуны определяются как лингво-культурологический феномен, «белые пятна на семантической картине мира», рождающиеся в результате взаимодействия двух культур [Марковина и др., 2010, с. 4—44]. Возникающие в ситуациях межкультурного общения и опосредованные текстом, лакуны неизбежно подвержены изменениям во времени. Одним суждено стереться из памяти массового читателя: так, не каждому современному читателю будет ясно, чем мотивировано восклицание Римского «Но за что?» [Булгаков, 2021, с. 122], произнесенное в минуты мучительного ожидания Варенухи, который «ушел и... не пришел обратно!» [Там же]. Иные лакуны кристаллизуются в форме (пред)убеждений, устойчивых представлений, стереотипов — одним словом, когниций. (Приводить примеры последних в случае с «закатным» / «заветным» романом Булгакова было бы делом неблагодарным). Наш интерес к устойчивым фразам с междометиями обусловлен, во-первых, сложностью их перевода, во-вторых, их культурной и когнитивной насыщенностью. Многие устойчивые речевые формулы не просто отмечены историко-культурной специфичностью, но играют не последнюю роль в понимании текста — ведь практически каждый аспект понимания речи связан с инференцией [The Oxford Handbook ..., р. 354]. Особенности функционирования междометий и частиц в соста-

ве устойчивых фраз в булгаковских текстах до сих пор уделялось недостаточно внимания.

Переводоведение на современном этапе все более сосредоточивается на процессе перевода как когнитивно-эвристической деятельности [Минченков, 2014]. Следовательно, небезосновательным будет предположить существование связи между аспектами перевода как когнитивной деятельностью и подвижной природой лакун. Современные классификации лингвокультурных лакун явно приглашают к дальнейшей их проработке. Так, исследователями выделяются субъектные лакуны, относящиеся к культурно-психологическим характеристикам нации; деятельностно-коммуникативные лакуны, происходящие из специфики различных видов деятельности; лакуны культурного пространства, выражающиеся в разнообразных фоновых знаниях, общих для представителей данной лингвокультуры [Марковина и др., 2010, с. 44–46]. Нетрудно заметить, что настоящая классификация требует дифференциации, а это, в свою очередь, — новых исследований переводных текстов в сопоставлении с оригиналом и другими переводными версиями рассматриваемого произведения. Согласно экспериментальным данным, именно национальная литература формирует и определяет культурный «тезаурус» человека [Там же, с. 64]. Диахронический аспект, таким образом, является ключевым в нашем исследовании «Мастера и Маргариты» — романа, проделавшего непростой путь к читателю.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Интересно, что «Мастер и Маргарита», вопреки своей лакунарной насыщенности, остается одним из самых популярных текстов мировой литературы и знаковым произведением отечественной литературы, входящим в школьную программу. Современный читатель по объективным причинам далек от мира романа, создававшегося преимущественно в 30-е годы прошлого века. Практика комментирования, связанного с упоминаниями в художественном тексте материальных предметов быта прошлого (таких, как примус, который «починяет» Бегемот, или любимые папиросы Ивана Бездомного «Наша марка»), давно оформилась в рамках литературоведения. Сложнее дело обстоит с лакунами нематериальной культуры, «невидимым и не высказанным», которое тем не менее играет ключевую роль в понимании булгаковской фантазмагии [Kechan, 2023, p. 167]. Наша работа посвящена преимущественно лакунам именно такого типа в восприятии иноязычного реципиента. Для установления лакунарного характера одного такого элемента нами был проведен опрос студентов Сеченовского Университета в возрасте 18–21 лет. Вопрос, заданный респондентам, касался

советской культуры общения в интеллигентской среде 1930-х годов, обходившейся без патронимов: «С чем связано удивление Ивана Бездомного, когда Воланд в первой главе обращается к нему по отчеству?»¹

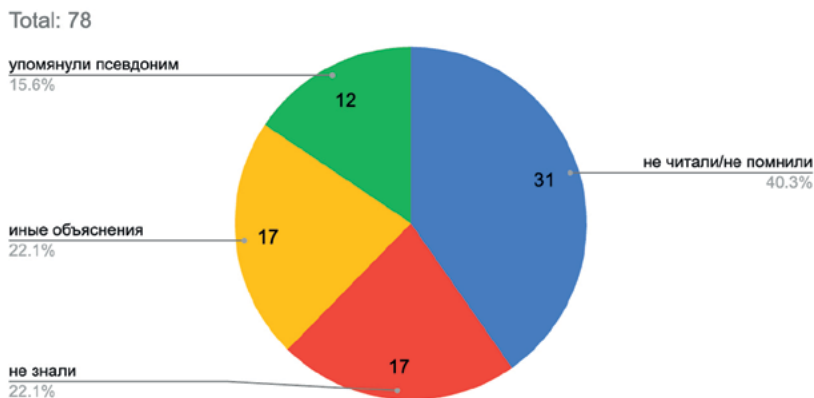

Рис. 1. Результаты опроса студентов Сеченовского Университета.
Ответы на вопрос: «С чем связано удивление Ивана Бездомного, когда Воланд в первой главе обращается к нему по отчеству?»

Как видно из результатов опроса (рис. 1), никто из респондентов не дал верного ответа. Объяснение изумления Бездомного псевдонимом не может считаться верным ответом, поскольку, во-первых, псевдоним не относится в данном случае к отчеству, а во-вторых, использование псевдонима — лишь частный случай речевого этикета, который сам Булгаков не принимал, предпочитая при встрече с коллегами краткое «Михаил Афанасьич!» [Файко, 1988, с. 347].

Цель нашей работы заключается в уточнении содержания лингвистических и культурологических лакун в контексте переводоведения и с позиций когнитивной лингвистики. Задачи сформулируем следующим образом: 1) выявить суть приемов, используемых разными переводчиками при передаче специфичных междометных элементов в составе речевых формул разной длины; 2) определить составляющие комментарии к переводному тексту с точки зрения заполняемой им лакуны. Взаимосвязь этих задач

1 Данный вопрос был вдохновлен семинаром с Ю. Г. Бит-Юнаном, который проводился в формате ридинг-группы в Музее Москвы в июле 2024 года. На семинаре никто из участников, среди которых были представители разных возрастных категорий, также не ответил на данный вопрос. См. подробнее о встрече: <https://mosmuseum.ru/events/p/moskvichka-reading/>

обосновывается, во-первых, объективной невозможностью передать культурную коннотацию междометной фразы, у которой, казалось бы, имеется эквивалент в языке перевода; во-вторых, тем, что эта объективная невозможность подчас «компенсируется» тем, что переводчик (в благих целях) искажает слово автора; см. подробнее: [Изволенская, 2021, с. 174]. Наше внимание сфокусировано на сходных и, наоборот, очень разных вариантах перевода одних и тех же устойчивых междометных элементов в экспрессивной речи персонажей. Эти сходства и различия, по нашей мысли, могут сигнализировать о присутствии лакуны. Если экстраполировать в область переводоведения сформулированный М. М. Бахтиным принцип, согласно которому каждый момент произведения «дан нам в реакции автора на него» [Бахтин, 1986, с. 9], то логично предположить, что момент перевода дан в реакции переводчика на переводимый им текст. Целесообразность комментария обоснована уже упомянутой объективной невозможностью в некоторых случаях преодолеть лакуну посредством преобразования собственно оригинального текста. Комментарий в таком случае избавляет переводчика от вынужденных «неуклюжих» решений, выражающихся, по сути, в редактировании (дописывании, сокращении, искажении) авторского текста [Марковина, 2004, с. 63].

Применение индуктивного метода заключается в векторе нашего анализа — от лингвистического (речевые формулы с междометиями) к когнитивному (лакуне) — при рассмотрении способов передачи наиболее экспрессивных элементов речи булгаковских персонажей. Обратим внимание и на способы передачи иностранного акцента: речь идет о ломаной речи Воланда в третьей главе и ложном акценте «сиреневого господина», покупающего лососину в торгсине (глава XXVIII). Подобный языковой материал обнаруживает, с одной стороны, специфичность русскоязычной культуры, а с другой — «мощные» лингвистические лакуны с точки зрения англоязычной культуры. Синонимичное употребление терминов «лакунарный» и «специфичный» обосновано отсутствием или просто иным наполнением реалий русскоязычной/советской культуры, трактуемых с точки зрения англоязычной лингвокультуры как «специфичные». Предпочтение отдается терминам «инвариант», «инвариантный», описывающим элементы, общие для христианских в своем основании англо- и русскоязычных культур. Термин «универсальный» применим в более широком, духовном смысле «универсальных ценностей», в том смысле, в котором его предполагал Ролан Барт, когда писал в своем знаменитом эссе о «всеобщей мудрости» *la sagesse universelle* [Barthes, 1964, p. 62] Наконец, исходя из принципа принципиальной переводимости, мы придерживаемся установки, что нет таких культурных кодов, которые, сколько бы уникальны ни были, не мо-

гут быть переданы, на когнитивной уровне (понимания), в контекст другой культуры. Ведь первейшая и осуществимая задача перевода — понимание текста, а не вживание в него [Фефелов, 2015, с. 60].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Преодоление в переводе лингвистических лакун в речи персонажей

Из всех особенностей запечатленной Булгаковым эмоциональной московской речи 1930-х годов в романе особо выделяются междометные фразы с «инфернальными» коннотациями. Достаточно сказать, что лексема *черт* насчитывает в тексте романа всего 65 вхождений¹ — в основном в рамках устойчивых эмотивных фраз вроде *черт знает где / кто, черт возьми, ко всем чертям, ну тебя к черту* и др. Однако и в прямой, и в несобственно прямой речи, и в словах рассказчика случаи употребления лексемы *черт* в высшей степени двусмысленны. Например, когда Коровьев, представившийся Босому переводчиком интуриста, говорит, что Лиходеев «уже уехал», «уж катит» в Ялту, «уж он черт знает где!» [Булгаков, 2021, с. 100] (в Ялту Степан Богданович действительно отправился не по своей воле). Герои подчас не подозревают, что ненароком говорят правду, как, например, доктор, составляя анамнез Бездомного: *Тараканов, крыс, чертиков или шмыгающих собак не ловил?* [Там же, с. 68] (твердящий про «консультанта» Бездомный действительно надеялся поймать Воланда с его инфернальной свитой). Тот же Иван, уже в палате, настаивает, что надо «как-нибудь изловить» консультанта, потому что он «*тут черт знает чего натворит!*» [Там же, с. 141].

Эту особенность авторской стилистики не всегда получается отразить в переводе семантически равноценно. В романе о дьяволе «черт» подчас появляется в самых неожиданных местах, например, в описании цветов Маргариты во время первой встречи с мастером: *Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве*² [Там же, с. 144]. На этом описание безымянных цветов, выделявшихся на черном пальто Маргариты, не заканчивается, но и такой характеристики вполне достаточно, чтобы сообщить случайной встрече роковой характер (*Повинуясь этому желтому знаку...* [Там же]). При передаче фразы *черт их знает* переводчики придерживаются разных стратегий: Гленни выбирает вполне идиоматичное сочетание *God knows* [Bulgakov, 1992, p. 153], но более близкие к ориги-

1 Данные получены с помощью программы AntConc.

2 В новой экранизации романа умело передана случайность встречи, как и появления этих цветов, которые раздают на улице по случаю майской демонстрации.

налу варианты остальных переводчиков — *the devil knows / the devil only knows / Devil knows* (у Гинзбург [Bulgakov, 1991, p. 156], Эплина [Bulgakov, 2020, p. 181], Берджин и О’Коннор [Bulgakov, 2017, p. 115], Пивьера и Волохонской [Bulgakov, 2016, p. 169]) — акцентируют внимание на «желтом знаке», о чем мастер заключает так: *Нехороший цвет* [Булгаков, 2021, с. 144]. (Вспомним, что в романе есть еще *нехорошая* квартира.).

Кроме того, у некоторых переводчиков междометные слова *God / heaven knows* появляются там, где в оригинале их нет. Например, в версии Гленни «красавица секретарь» Анна Ричардовна рыдает: *...arm in arm with some villain that he’d picked up God knows where...* [Bulgakov, 1992, p. 215]. В оригинале эта характеристика Коровьева выведена так: *...сукин сын, неизвестно откуда взявшийся* [Булгаков, 2021, с. 196]. В версии Гинзбург фраза *неизвестно откуда взявшийся* передана с помощью *heaven knows* [Bulgakov, 1991, p. 207]. Здесь, очевидно, мы имеем дело с задачей переводчика передать естественность прямой речи. Способность Гленни передать особую легкость булгаковского языка неоднократно отмечалась русистами — американцем Э. Симмонсом [Цит. по: Машкевич, 2024, с. 261] и британкой Дж. Кертис [Curtis, 2019, p. 137]. Однако вставляемые просто для плавности слова *heaven / God*, пусть даже семантически пустые, несколько противоречат (явно не небесной) сути происходящего.

Есть и удачные переводческие находки с междометиями. Так, когда на Патриарших Воланд представляется «специалистом по черной магии», Берлиоз мысленно восклицает: *На тебе!* [Булгаков, 2021, с. 18]. Заключаемое в этом междометии недоверие и крайнее удивление успешно передаются на английский язык:

Гинзбург: “*Now what!*” [Bulgakov, 1991, p. 15].

Пивьер и Волохонская: “*There he goes!...*” [Bulgakov, 2016, p. 16].

Эплин: “*Well, there you are!*” [Bulgakov, 2020, p. 20].

Более творческий подход обнаруживают:

Гленни: “*Like hell you do!*” [Bulgakov, 1991, p. 19].

Берджин и О’Коннор: “*Well I’ll be...*” [Bulgakov, 1997, p. 12].

Последние два варианта хороши явной, как у Гленни, или имплицитной, как у Берджин и О’Коннор, отсылкой к темному легиону. Как и в случае со словами *heaven / God*, inferнальная семантика обнаруживается в переводах там, где в оригинале ее нет. Например, «брудершафт», которым, по словам Бегемота, еще никого не удостоивал ни один кот, в версии Гленни превращается в «инфернальную вольность» обращения к коту как «кисе»: “*People usually address cats as “pussy”, which I regard as an infernal liberty.*” [Bulgakov, 1992, p. 362]. Сравним с оригиналом: *Котам обычно почему-то говорят «ты», хотя ни один кот никогда ни*

с кем не тил брудершафта [Булгаков, 2021, с. 291]. Переводчик не только элегантно обошел трудность, связанную с русскими местоимениями 2-го лица, но и актуализировал свойственный роману метасемиотический смысл обыденных фраз, приобретающих в булгаковском тексте фантастический смысл.

Есть, однако, случаи, когда даже такая своеобразная компенсация лингвистической лакуны невозможна. В третьей главе Воланд так начинает отвечать Берлиозу: *Помилуйте, уж кто-кто, а вы-то должны знать, что ровно ничего из того, что написано в евангелиях, не происходило на самом деле никогда...* [Там же, с. 43—44]. Старомодное глагольное междометие *Помилуйте* по-разному передается переводчиками:

Glenney: *'But surely,'*... [Bulgakov, 1992, p. 44]

Ginsburg: *"Oh well,"*... [Bulgakov, 1991, p. 44]

Burgin and O'Connor: *"I beg your pardon,"*... [Bulgakov, 2017, p. 33]

Pevear and Volokhonsky: *'Good heavens,'*... [Bulgakov, 2019, p. 48]

Aplin: *"Pardon me,"*... [Bulgakov, 2020, p. 54]

Хотя с прагматической точки зрения все формулы, выражающие в данном контексте вежливый протест, могут считаться в разной степени эквивалентными, они едва ли передают в этой ситуации общения эксцентричность дореволюционного этикета, с которым русскоязычный читатель знаком из литературы XIX века. Между тем этот культурный компонент важен, поскольку составляет контраст и с простоватой речью Бездомного, и с «сильным заграничным» акцентом самого Воланда: *«О нет! Это может кто подтвердить!»* [Булгаков, 2024, p. 49]:

Гленни: *'Oh, yes! I can easily confirm it!'* [Bulgakov, 1992, p. 45].

Гинзбург: *'Oh, no! This one can confirm!'* [Bulgakov, 1991, p. 45].

Берджин и О'Коннор: *"Oh, no! There is someone who can confirm it!"* [Bulgakov, 2017, p. 34].

Пивьер и Волохонская: *"Oh, yes! That there is one who can!"* [Bulgakov, 2016, p. 49].

Эплин: *"Oh, no! One can confirm it!"* [Bulgakov, 2020, p. 54].

Как видно из примеров, некоторые переводчики сознательно отказываются от передачи акцента, который, как сообщает читателю сам рассказчик, *«у него, черт знает почему, то пропал, то появлялся»* [Булгаков, 2021, с. 44]. И формула дореволюционного этикета, и акцент в оригинале усиливают комический эффект в соединении с бесцеремонностью, с которой «сумасшедший» заграничный профессор на вопрос Берлиоза о том, где тот остановился, *«вдруг развязно»* отвечает: *«В вашей квартире»*. В XXVIII главе, однако, акцент играет не дополнительную, но смыслообразующую роль: *Кароши люблю, плохой — нет, — сурово говорил ино-*

странец [Булгаков, 2021, с. 363]. Ломанные русские слова принадлежат некоему «сиреневому джентльмену» в торговине:

Glenney: *'Is goot, I like; is bad, I not like,' added the foreigner.* [Bulgakov, 1992, p. 338].

Burgin and O'Connor: *"Goot I like, bat, no," said the foreigner sharply.* [Bulgakov, 2017, p. 296].

Pevear and Volokhonsky: *'Good I like, bad I don't,' the foreigner said sternly.* [Bulgakov, 2016, p. 435].

Aplin: *"Is good? Is good, I like, is bad — no," said the foreigner sternly.* [Bulgakov, 2020, p. 463].

Примечательно, что Гленни, который не счел нужным передать акцент Воланда в беседе с литераторами (что, впрочем, может быть связано со спешкой, в которой осуществлялся перевод, см. подробнее: [Curtis, 2019, p. 137]), придал должное значение акценту «сиреневого покупателя». Эта речевая характеристика господина в сиреновом — важный маркер его социальной принадлежности, точнее, непринадлежности к массе советских граждан. Мы еще вернемся к этому эпизоду во втором параграфе.

Таким образом, специфичные черты речи булгаковских героев в целом передаются переводчиками с минимальными потерями, так как английский язык располагает необходимым арсеналом лингвокультурных средств. Наиболее удачными переводческими решениями являются, бесспорно, вдохновленные метафизикой самого романа о дьяволе, апеллирующие к инвариантным понятиям христианской культуры. Творческий подход компенсации оказывается особенно востребованным, когда в тривиальных по смыслу, кратких по форме речевых формулах прочитывается чертовское. Наконец, особую трудность представляют случаи культурно-исторической «нагрузки» междометных фраз (*Помилуйте!*), которая, как «мощная» лакуна [Марковина и др., 2010, с. 60], может быть преодолена с помощью емкого постраничного комментария. Это, конечно, не отменяет высоких требований к переводу булгаковского текста.

3.2. Инвариантное vs специфичное в лакунах: преодоление комментарием

Булгаковский роман об Иешуа Га-Ноцри и его переводы являют собой и пример безошибочного распознавания переводчиком, принадлежащим к англоговорящей культуре, инвариантных элементов, общих для двух лингвокультур. Например, риторический вопрос Пилата *Что есть истина?* передан одинаково во всех пяти переводных версиях. Передача экспрессивных элементов московской речи, однако, требует большей креативности. При передаче русских эмоциональных междометий переводчики, осознанно или бессознательно, апеллируют к общехристианским

понятиям об аде и рае, что в случае с романом Булгакова представляется очевидным и приходится весьма кстати. Такой же подход успешно работает и при передаче русских междометных фраз с лексемой *черт*, в высшей степени специфичной для русской лингвокультуры [Турлаева и др., 2022, с. 690—691]. Так, председатель главной зрелищной комиссии Прохор Петрович пал жертвой своей гневливости, в пылу которой призвал чертей: *Да что ж это такое! Вывести его вон, черти б меня взяли!* [Булгаков, 2021, с. 196]. Быстро исполнившееся «пожелание» так передано переводчиками:

Гленни: *What is all this? I'm damned if I don't have you thrown out of here!* [Bulgakov, 1992, p. 186].

Гинзбург: *What the hell is this? Get him out of here, the devil take me!* [Bulgakov, 1991, p. 204].

Берджин и О'Коннор: *What the hell is this? Get him out of here, the devil take me!* [Bulgakov, 2017, p. 159].

Пивьер и Волохонская: *What is all this? Get him out of here, devil take me!* [Bulgakov, 2016, p. 234].

Эплин: *What on earth is all this? Well, I'll go to the devil, get him out of here* [Bulgakov, 2020, p. 249].

Вскоре вместо Прохора Петровича за столом — пустой костюм, «погруженный в работу» и водящий по бумаге «не обмакнутым в чернила сухим пером» [Булгаков, 2021, с. 195]. Думается, иноязычного реципиента здесь порадовал бы литературоведческий комментарий, отсылающий к схожему эпизоду из «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, где за письменным столом сидит не градоначальник, а «градоначальниково тело, облеченное в мундир» [Салтыков-Щедрин, 1969, с. 289]. В конце романа провокации свиты Воланда в полной мере разворачиваются в торговине, где покупает лососину уже упоминавшийся ранее нами «сиреневый господин»:

— Кароши? — строго спрашивал сиреневый покупатель?

— Мировая, — отвечал продавец, кокетливо ковыряя острием ножа под шкурой.

— Кароши люблю, плохой — нет, — сурово говорил иностранец.

— Как же! — восторженно отвечал продавец. [Булгаков, 2021, с. 362—363].

Рассказчик явно акцентирует наше внимание на этом диалоге, о чем свидетельствуют, например, глаголы несовершенного вида (*спрашивал, отвечал*). Венчающее диалог междометие *Как же!*, произносимое продавцом с восторгом, свидетельствует о готовности услужить притязательному покупателю. Личность изысканящегося на ломаном русском «сиреневого господина», интересующегося качеством рыбы, проясняется в момент ка-

тастрофы, когда он, сев в кядку с керченской сельдью, кличет милицию. Вероятно, не каждый современный молодой читатель, выросший при капитализме, поймет, что попытка «сиреневого» советского гражданина сойти за иностранца связана с хитростью бесправного потребителя, желающего получить кусок получше. Поскольку эмоциональное междометие *Как же!* передано (этого следует ожидать) практически одинаково — *Of course!* / *But of course!*, мы рассмотрим наиболее, на наш взгляд, удачный перевод тандема Берджин и О'Коннор:

"Goot I like, bat, no," said the foreigner sharply.

"But of course!" was the salesman enthusiastic reply [Bulgakov, 2017, p. 296].

Инверсия, примененная Берджин и О'Коннор, очень уместна, ведь глаголы несовершенного вида в оригинале (*говорил, отвечал*) не просто передают ироничную интонацию рассказчика, но транслируют реакцию наблюдателей — Коровьева и Бегемота: *Тут наши знакомые отошли от иностранца с его лососиной к краю кондитерского прилавка* [Булгаков, 2021, с. 362]. Читатель как будто следует за этой парочкой по торгсину до момента, когда эти «знакомые», подслушавшие диалог, дерзко срывают маску с «иностранца».

Сравнить с версией Мирры Гинзбург не представляется возможным, поскольку ее перевод осуществлялся по редакции романа 1966—67 годов, опубликованного в журнале «Москва», откуда сцена в торгсине была удалена. Булгаков явно иронизирует над «сиреневым гражданином», метонимично окрестив его «сиреновой спиной». Эплин сопровождает сцену в торгсине комментарием: *Torgsin: the name is an abbreviation for trade with foreigners* [Aplin, 2020, p. 403]. Содержащаяся в этом комментарии информация предельно скупа и не дает читателю представления о советской реалии. Предложим более развернутый комментарий:

[1] *Torgsin shops (acronym from Rus. '[Всесоюзное объединение по] торговле с иностранцами', '[All-Union Organization for] trade with foreigners') were developed by the state in the early 1930s to sell to foreigners only, but later made available to all Soviet citizens to draw out the savings of the population and raise capital for the Five-Year Plan. People were allowed to sell their furniture, paintings, gold, jewelry and foreign currency to buy food and consumer goods* [Figes, 2008, p. 172].

[2] *The majority of Soviet citizens were hunting for very ordinary foodstuffs. Natalia Lebina recounts the memories of her great-grandmother, who had her fat golden chain cut into pieces and then had taken it to the torgsin. It helped feed her newborn relative in 1931* [Лебина, 2023, с. 122]. *Luxury foods (such as salmon) were available to foreigners, diplomats, jewelers, dentists etc.* [Осоки-

на, 2009, с. 215] — *the thin better-off stratum, which the 'lilac' man obviously belongs to.*

Первая часть комментария относится к трактовке реалии, вторая проводит связь этой реалии с контекстом романа. Передачи собственно лингвистической составляющей недостаточно: акцент господина, признак иностранной речи и, следовательно, маркер особого благосостояния, оказывается ненастоящим. В толпе советских граждан «сиреневый господин» выделяется одеждой: его «новенькая шляпа, не измятая и без подтеков на ленте, сиреневое пальто и лайковые рыжие перчатки» — красноречивое свидетельство благополучия во времена, когда для рядового человека «самое большое, что можно помыслить» — «два-три костюма, один из них заграничный» [Маньков, 1994, с. 190]. Однако еще до скандала Бегемот говорит Фаготу, что в лице покупателя лосося «чего-то не хватает, по-моему» [Булгаков, 2021, с. 362]. Как здесь не вспомнить наблюдение, сделанное героем И. С. Тургенева в повести «Ася»: *Правду сказать, я неохотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже издали по их походке, покрою платья, а главное, по выражению их лица* [Тургенев, 2007, с. 203].

Таким образом, инвариантные и специфичные элементы текста оригинала проявляются в полной мере в процессе сопоставительного лингвокогнитивного анализа оригинального и переводных текстов, лишний раз подтверждая творческий характер художественного перевода. «Мощные» лакуны обнаруживаются в пространстве языка и культуры: эмотивный синтаксис оригинала неразрывно и невидимо связан с общекультурными и специфичными смыслами текста. Зримыми эти связи делает для читателя комментарий. Если рассматривать переводческий комментарий к переводному тексту в русле когнитивно-эвристической парадигмы, то он окажется когнитивным инструментом *per se*, вербализирующим разрозненные элементы восприятия текста, которые, соединяясь, раскрывают в фантастическом самое что ни на есть реальное [Schofield, 2022, p. 57].

4. Заключение = Conclusions

Анализ способов передачи наиболее сложных с точки зрения перевода элементов эмотивного синтаксиса — русских междометных фраз — показал неявную и неразрывную связь отдельного уровня языка, с одной стороны, и когниции, с другой, в процессе восприятия и понимания реципиентом художественного переводного текста.

Инвариантное мета-содержание оригинала содержит общий культурный код, что делает даже самые трудные, как с точки зрения авторской стилистики, так и с точки зрения объективных межъязыковых структур-

ных различий, места оригинала переводимыми. Лингвокогнитивный анализ фрагментов с междометными фразами показал, что компенсаторные переводческие решения зачастую связаны с инвариантным содержанием, кристаллизированным в словах и понятиях христианской культуры. Переводческие решения со словами *hell*, *damn*, даже в тех местах, где в оригинале соответствующая лексема отсутствует, в романе о «князе тьмы» оказываются удачными находками.

«Мощные» лакуны, то есть те, преодолеть которые невозможно только посредством преобразования оригинального текста, могут быть преодолены с помощью комментария. В структуре комментария соединяются лингвистические и культурно-исторические реалии, репрезентирующие соответствующие лакуны, и художественный контекст произведения.

В предисловии к первому парижскому изданию булгаковского романа архиепископ Иоанн Сан Францисский (Шаховской) так описал проблематику романа «Мастер и Маргарита»: «Драма книги — неистинное добро. Среди этой фантазмагии идеократического и обывательского мнимого добра хозяйничает Зло. Слово Зло я тут пишу с большой буквы не потому, что оно достойно этого, а потому, что здесь оно заслуживает такого подчеркивания» [Сан Францисский, 1967]. Метко замечание и о «проделках зла, слившихся с бытом людей» [Там же]. Реалии быта устаревают, но не устаревают вопросы о природе зла, о смерти, любви, трусости, быстротечности и конечности человеческого бытия. Значимость комментария, которому посвящена наша статья, обосновывается «невидимостью» лингвокультурных лакун для современного читателя. Комментарий к переводному художественному тексту призван вербализировать это содержание, невидимое в силу пространственно-временной дистанции между эпохой, когда создавался роман, и нашим веком, иными словами, способствовать традиционной духовно-просветительской задаче русской классической литературы.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Булгаков М. Мастер и Маргарита / М. Булгаков. — Санкт-Петербург : Азбука, 2021. — 413 с. — ISBN 978-5-389-17142-8.
2. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений в двадцати томах / М. Е. Салтыков-Щедрин. — Москва : Художественная литература, 1969. — Т. 8. — 614 с.
3. Тургенев И. С. Дворянское гнездо. Повести / И. С. Тургенев. — Москва : ЭКСМО, 2007. — 703 с. — ISBN 5-699-19245-X.
4. Bulgakov M. The Master and Margarita / M. Bulgakov. — New York : Grove Press, 1991. — 402 p.

5. *Bulgakov M. The Master and Margarita* / M. Bulgakov. — New York : Everyman's Library, 1992. — 446 p.
6. *Bulgakov M. The Master and Margarita* / M. Bulgakov. — Bergamo : Penguin Books, 2016. — 515 p.
7. *Bulgakov M. The Master and Margarita* / M. Bulgakov. — London : Picador Classic, 2017. — 367 p. — ISBN 978-0-330-54393-4.
8. *Bulgakov M. The Master and Margarita* / M. Bulgakov. — London : Alma-Classics, 2020. — 438 p. — ISBN 978-0-330-54393-4.

Литература

1. *Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества* / М. М. Бахтин. — Москва : «Искусство», 1986. — 445 с.
2. *Бобырева Е. В. Сравнительные характеристики концепта “ЧУДО” в религиозном дискурсе в русском и английском языках* / Е. В. Бобырева // Известия ВГПУ. — 2020. — № 9 (152). — С. 113—117.
3. *Изволенская А. С. О роли переводческого комментария : социально-политические реалии в повести М. А. Булгакова «Собачье сердце»* / А. С. Изволенская // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — Т. 19. — № 2. — С. 166—180. — DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-166-180.
4. *Лебина Н. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города 1917—1991* / Н. Лебина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2023. — 578 с. — ISBN 978-5-4448-1951-7.
5. *Маньков А. Г. Из дневника рядового человека (1933—1934 гг.)* / А. Г. Манькова // Мемуары XX века // Звезда. — 1994. — № 5. — С. 134—199.
6. *Марковина И. Ю. Метод установления лакун в исследовании этнопсихолингвистической специфики культур* / И. Ю. Марковина // Вопросы психолингвистики. — 2004. — № 2. — С. 58—64.
7. *Марковина И. Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию* / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. — Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2010. — 138 с. — ISBN 978-5-9704-0563-5.
8. *Машкевич С. Переводы «Мастера и Маргариты» : немного истории и «мета-роман»* / Київський бібліофіл ММХХІV : альманах / С. Машкевич // Київський клуб бібліофілів. — Киев : Видавець Бихун В. Ю, 2024. — 432 с.
9. *Минченков А. Г. Философия холизма и возможности применения ее положений в теории и практике перевода* / А. Г. Минченков // Вестник СПбГУ. Серия 9. — 2014. — Выпуск 2. — С. 121—130.
10. *Осокина Е. А. Золото для индустриализации : Торгсин* / Е. А. Осокина. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. — 589 с. — ISBN 978-5-8243-1110-5.
11. *Сан Франциский И. Книга. Мастер и Маргарита : роман* / И. Сан-Франциский. — Париж : YMCA — PRESS, 1967. — 219 с.
12. *Тер-Минасова С. Г. Пушкинская проза в восприятии англоязычного читателя* / С. Г. Тер-Минасова // Россия и Запад : Диалог культур : сб. науч. ст. — Москва : Центр по изучению взаимодействия культур, 1994. — С. 140—144.
13. *Тураева А. С. Образ черта в литовской, латышской и русской фразеологии* / А. С. Тураева, М. С. Хмелевский // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. — 2022. — № 2 (115). — С. 122—127. — DOI: 10.37972/chgpu.2022.115.2.017.

14. Файко А. «Михаил Афанасьевич» / А. Файко // Воспоминания о Михаиле Булгакове. — Москва : Советский писатель, 1988. — С. 347—353.
15. Фефелов А. Ф. Современное российское переводоведение : в поисках новой суверенной парадигмы / А. Ф. Фефелов // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — Т. 13. — № 1. — С. 48—72.
16. Aplin H. Notes / H. Aplin // Mikhail Bulgakov. the Master and Margarita. — London : Alma Classics, 2021. — 438 p.
17. Barthes R. Essais critiques / R. Barthes. — Paris : Éditions du Seuil, 1964. — 275 p.
18. Curtis J. A Reader's Companion to Mikhail Bulgakov's the Master and Margarita / J. Curtis. — Brighton : Academic Studies Press, 2019. — 194 p. — ISBN 978-1644690789.
19. Figs O. The Whisperers / O. Figs. — London : Penguin Books, 2008. — 740 p. — ISBN 978-0312428037.
20. Kechan A. the Shadow and Anima in Bulgakov's the Master and Margarita / A. Kechan // Критички методи и толкувања (Critical Methods and Interpretations). — 2023. — Pp. 167—183.
21. Schofield J. Reading the *Master and Margarita* by Mikhail Bulgakov as Fantastic Literature / J. Schofield // Beyond the Anglocentric. — 2022. — Vol. 1. — № 1. — Pp. 49—58.
22. Singer M. Inference processing in discourse comprehension / M. Singer ; Ed. By M. Gareth Gaskell. — Oxford : Oxford University Press, 2009. — 859 p.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025,
одобрена после рецензирования 07.05.2025,
подготовлена к публикации 21.05.2025.

Material resources

- Bulgakov, M. (2016). *The Master and Margarita*. Bergamo: Penguin Books. 515 p.
- Bulgakov, M. (2020). *The Master and Margarita*. London: Alma-Classics. 438 p. ISBN 978-0-330-54393-4.
- Bulgakov, M. (2017). *The Master and Margarita*. London: Picador Classic. 367 p. ISBN 978-0-330-54393-4.
- Bulgakov, M. (1991). *The Master and Margarita*. New York: Grove Press. 402 p.
- Bulgakov, M. (1992). *The Master and Margarita*. New York: Everyman's Library. 446 p.
- Bulgakov, M. (2021). *The Master and Margarita*. Saint Petersburg: ABC. 413 p. ISBN 978-5-389-17142-8. (In Russ.).
- Saltykov-Shchedrin, M. E. (1969). *Collected works in twenty volumes, 8*. Moscow: Khudozhestvennaya literature. 614 p. (In Russ.).
- Turgenev, I. S. (2007). *The Noble nest. Novellas*. Moscow: EKSMO. 703 p. ISBN 5-699-19245—X. (In Russ.).

References

- Aplin, H. (2021). Notes. In: *Mikhail Bulgakov. The Master and Margarita*. London: Alma Classics. 438 p.
- Bakhtin, M. M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo Publ. 445 p. (In Russ.).
- Barthes, R. (1964). *Essais critiques*. Paris: Éditions du Seuil. 275 p. (In Frenc.).
- Bobyreva, E. V. (2020). Comparative characteristics of the concept of “MIRACLE” in religious discourse in Russian and English. *Izvestiya VGPU, 9 (152)*: 113—117. (In Russ.).

- Curtis, J. (2019). *A Reader's Companion to Mikhail Bulgakov's the Master and Margarita*. Brighton: Academic Studies Press. 194 p. ISBN 978-1644690789.
- Fayko, A. (1988). "Mikhail Afanasievich". In: *Memoirs of Mikhail Bulgakov*. Moscow: Sovetskiy pisatel Publ. 347—353. (In Russ.).
- Fefelov, A. F. (2015). Modern Russian Translation Studies: in search of a New Sovereign paradigm. *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural communication*, 13 (1): 48—72. (In Russ.).
- Figes, O. (2008). *The Whisperers*. London: Penguin Books. 740 p. ISBN 978-0312428037.
- Izvolenskaya, A. S. (2021). On the role of translation commentary: Socio-political Realities in M. A. Bulgakov's novel "The Heart of a Dog". *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural communication*, 19 (2): 166—180. DOI: 10.25205/1818-7935-2021-19-2-166-180. (In Russ.).
- Kechan, A. (2023). The Shadow and Anima in Bulgakov's the Master and Margarita. *Critical Methods and Interpretations*. 167—183.
- Lebina, N. (2023). *Passengers of the sausage train. Sketches for a picture of the life of a Russian city in 1917—1991*. Moscow: New Literary Review. 578 p. ISBN 978-5-4448-1951-7. (In Russ.).
- Mankov, A. G. (1994). From the diary of an ordinary man (1933—1934). *Memoirs of the XX century*. *Zvezda*, 5: 134—199. (In Russ.).
- Markovina, I. Yu. (2004). Method of establishing lacunae in the study of ethnopsycholinguistic specificity of cultures. *Questions of psycholinguistics*, 2: 58—64. (In Russ.).
- Markovina, I. Yu., Sorokin, Yu. A. (2010). *Culture and text. Introduction to lacunology*. Moscow: GEOTAR-Media. 138 p. ISBN 978-5-9704-0563-5. (In Russ.).
- Mashkevich, S. (2024). *Translations of "The Master and Margarita": a bit of history and a "metaroman"*. Kiev: Vidavets Bihun V. Yu. 432 p. (In Russ.).
- Minchenkov, A. G. (2014). Philosophy of holism and the possibility of applying its provisions in theory and practice of translation. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9*, 2: 121—130. (In Russ.).
- Osokina, E. A. (2009). *Gold for industrialization: Torgsin*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN): Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin. 589 p. ISBN 978-5-8243-1110-5. (In Russ.).
- San Francisco, I. (1967). *Book. The Master and Margarita: A Novel*. Paris: YMCA — PRESS. 219 p. (In Russ.).
- Schofield, J. (2022). Reading the Master and Margarita by Mikhail Bulgakov as Fantastic Literature. *Beyond the Anglocentric*, 1 (1): 49—58.
- Singer, M. (2009). *Inference processing in discourse comprehension*. Oxford: Oxford University Press. 859 p.
- Ter-Minasova, S. G. (1994). Pushkin's prose in the perception of the English-speaking reader. In: *Russia and the West: Dialogue of Cultures: Collection of scientific articles*. Moscow: Center for the Study of Cultural Interaction. 140—144. (In Russ.).
- Turlaeva, A. S., Khmelevsky, M. S. (2022). The image of a devil in Lithuanian, Latvian and Russian phraseology. *Bulletin of the I. Ya. Yakovlev State Pedagogical University*, 2 (115): 122—127. DOI: 10.37972/chgpu.2022.115.2.017. (In Russ.).

*The article was submitted 04.03.2025;
approved after reviewing 07.05.2025;
accepted for publication 21.05.2025.*